

А.С.ГРИН

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Александр Грин

На американских горах

Серия «Наследство Пик-Мика», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=316772

Аннотация

Случайный знакомый приглашает героя покататься на «американских горах». Во время аттракциона у него начинается сердечный приступ, и он поспешно отдает соседу распоряжения ... по уходу за его кроликами...

© *FantLab.ru*

Александр Степанович Грин

На американских горах

– Я очень люблю сильные ощущения, – сказал мне под искусственной пальмой кафе-шантана человек с проседью. Он сильно жестикулировал. Я никогда не видел человека с таким разнообразием жестов. Его руки, пальцы, плечи, брови и даже уши приходили в движение при каждом слове. Прежде чем сказать что-либо, он разыгрывал целую мимическую сцену, выразительно блестя впалыми глазами.

Я был страшно недоволен его обществом. Нервные люди стоили мне полжизни. Однако, подсев сам, он не думал раскланяться и уйти.

В это время, т. е. когда я размышлял о смысле существования человека с проседью, заиграла музыка. Военный, кровавый марш сделал меня на десять минут поручиком фантастического полка, гуляющего по аллеям сада в цветных шляпах, смокингах и мундирах. Мой новый знакомый барабанил пальцами по столу. Я сказал:

– Если вы сядете вон в ту вагонетку, которая на шестиэтажной высоте головокружительно звенит рельсами, то испытаете те глубокие ощущения, которые вам угодно назвать сильными.

– Пожалуй, – согласился он. – С вами?

– Все равно.

– Я был офицером, играл в кукушку, – заметил он, довольно смеясь.

– Это хорошо, – сказал я.

– Я также тонул три раза.

– Совсем недурно.

– Был ранен во время военных действий.

– Какая прелесть!

Он больше ничего не сообщил мне, но я понял, что этот человек любит тонуть, быть раненым и стрелять из-за угла в темноте, играя в кукушку. Именно эти оригинальные наклонности и были причиной гибели человека с проседью.

Мы подошли к кассе. Над головой нашей, в свете электрических лун, в ущельях страшной крутизны, сделанных из цемента и железа, мелькали, взвиваясь и падая, вагонетки, переполненные народом. Сплошной заунывный визг женщин, напоминающий предсмертные вопли тонущих лошадей, оглашал сад.

– Женщины трусливы, – сентенциозно заметил человек с проседью.

Мы сели. Он стал курить, нервно пощипывая бородку, оглядываясь и вздыхая. За моей спиной, хихикнув, взвизгнула барышня.

Мы тронулись сначала тихо, затем быстрее, и через несколько секунд три-четыре сорванных ветром шляпы,

пролетев мимо меня, покатались в глубину грота.

Нас окружила темнота, затем, сделав крутой на светлом повороте скачок, вагонетка стремительно полетела вниз. Подлое ощущение холода в спине и остановка дыхания заняли меня на пять-шесть секунд, пока продолжалось падение, после этого я по такому же крутому склону птицей взлетел на вершину горы, тяжело вздохнул и, похолодев, снова камнем полетел во тьму, придерживаясь руками за сидение. Это неприятное развлечение повторилось два раза, после чего, отдохнув в медленном кружении на краю обрыва, вагонетка помчалась с быстротой пули, доставляя мне те же самые ненужные болезненные впечатления полной беспомощности и неизвестности, – выкинет меня или я усажу до конца, встав пьяным от головокружения.

Повернув голову, я смотрел на человека с проседью. Широко открытые глаза его остановились на мне с выражением недоумения, какое свойственно внезапно получившему удар человеку.

– Я сейчас умру, – хрипло сказал он, – сердце...

– Порок?

– Да.

– Сколько лет?

– Четыре.

– А завещание?

– Нет завещания, – сердито прокричал он, – у меня кролики.

Почувствовав жалость, я крикнул:

– Остановите.

Услышать проводнику что-либо в грохоте цементного тоннеля было немислимо. Мой спутник сказал:

– Отлегло; на всякий случай...

– Конечно.

– Мой адрес.

Я взял визитную карточку. Он, схватившись за грудь, продолжал выкрикивать испуганным голосом:

– Я развожу кроликов.

– Пушистые зверьки, – пробормотал я.

– Кроликов калифорнийских перевести на другую ферму.

– Слушаюсь.

– Кроликов кентерберийских...

– Запомнил.

– Кроликов австралийских...

– Понимаю.

– Кроликов бельгийских...

– Слышу.

– Кроликов австрийских...

– Ясно.

– Этих кроликов не продавать, – застонал он, сгибаясь.

– Будет передано, – внимательно сказал я.

– Кроликов йоркширской породы кормить смесью.

– Хорошо.

– Венгерских кочерыжками, пять пучков.

– Отлично.

– Нет, я не умру, – сказал он, отдуваясь, и мы снова ринулись в темноту. – Нет, умру.

Секунд пять мы молчали. Вагонетка взлетела на самую вершину дьявольского сооружения, а затем, почти отделясь от рельс, повалилась к мелькающим внизу огням сада.

– Умираю! – крикнул человек с проседью. – Скажите управляющему... что мои последние слова... чтобы он кроликов моих... есть не смел!

Он поднял руки, брови, помотал головой и свалился к моим ногам.

Еще несколько секунд продолжалась бешеная игра вагонетки, огненные кролики прыгали в моих глазах, и наконец все кончилось.

Я встал, пошатываясь. Толпа народа собралась вокруг мертвого тела, и шум ночного веселья перешел в похоронную тишину. Я же ушел, думая о кроликах. Кончилась прекрасная, содержательная жизнь, а вместе с ней и благополучие – как их... этих... кентерберийских...